

Июнь 1861

Французские дела. — Венский имперский совет и адрес венгерского сейма.

Давно уж мы не говорили подробно о французских делах, потому что не представлялось в них отдельных фактов, которые сами по себе могли бы назваться важными. Декрет 24 ноября, давший несколько больше простора парламентским прениям, циркуляры Персиньи о предоставлении несколько большего простора журналистике, прения законодательного корпуса об адресе, потом о бюджете, теперь проект закона об уменьшении административного тяготения над газетами, — все это пока только одни формальности, не делающие никакой перемены в действительном порядке вещей, все это — меры, из которых каждая незначительна. Внимания заслуживают они лишь тогда, если рассматривать вместе весь ряд их, чтобы различить по его направлению, к чему идут дела. Направление времени ясно: [господствующая] система видит свое несоответствие с расположением умов и входит в сделки с ним. Одна сделка за другою оказывается неудовлетворительна, и система делает над собою новые усилия, чтобы вынудить у самой себя новую уступку, которая разделяет судьбу прежних уступок, оказывается неудовлетворительна, потому что никакая система не может серьезно отрицать сама себя, стало быть не может предложить ничего удовлетворительного направлению, отрицающему ее. О декрете 24 ноября мы говорили в свое время. Расширение круга прений в законодательном корпусе было, при нынешнем составе его, одною формальностью, потому что из 250 депутатов только пятеро имеют независимость; все остальные выбраны были по рекомендации правительства и не могут не поддерживать его во всем, связав свою судьбу с его участью. Набрать такое число преданных лиц нельзя было иначе, как из людей, безусловно преданных тому, что называется во Франции «старым порядком», то есть из приверженцев порядка дел, существовавшего до революции 1789 года. Но в некоторых вещах правительство, по дипломатическим или тор-

говым надобностям, должно отступать от принципов старого порядка. Так, например, затруднительно было бы изгнать войска и правителей Виктора-Эммануэля из присоединенных к Итальянскому королевству земель бывшей Папской области. А по понятию приверженцев старого порядка следует сделать это и восстановить папскую власть во всем ее прежнем размере. С другой стороны, для упрочения союза с Англиею и развития французской торговли надобно было правительству понижать тариф; а значительная доля приверженцев старого порядка — промышленники, заинтересованные в поддержании протекционизма; да и с принципами старого порядка согласна только запретительная система. Поэтому в вопросах о тарифе и об итальянских делах большинство членов законодательного корпуса враждебно политике правительства. Но, связав себя с ним безвозвратно, оно не может противиться ему и в этих случаях и принуждено довольствоваться тактикою такого рода: вотировать против правительства оставляет оно лишь самым крайним своим членам, а в массе своей подает голос за правительство; но чтобы ясно выказать свою враждебность, не могущую перейти в дело, и чтобы вынудить этуо враждебностью некоторые уступки у правительства, большинство предоставляет говорить речи только людям крайнего своего отдела, которые будут вотировать против правительства, так что характер прений прямо противоречит результату следующего за ним вотирования и служит предостережением для правительства. Таким образом, прения о параграфе адреса, относящемся к Риму, и о таможенных преобразованиях были очень горячи во французском законодательном корпусе; правительство тут было защищаемо только официальными своими представителями, а речи против него были очень многочисленны и сильны. Франция, давно не слышавшая парламентских прений, следила за ними с большим одушевлением. Этот факт выставляется теперь доказательством, что она желает восстановить парламентское правление. [Мы не думаем, чтобы желания подобного рода нуждались в доказательствах. Французское правительство судило о вещах иначе.] Девять лет не было открытых признаков желания, потому самое желание предполагалось несуществующим, — хотя не выражалось оно лишь благодаря мерам, принятым к устранению всякой возможности ему выразаться. Находились люди, принявшие в буквальном смысле циркуляры нового министра внутренних дел Персиньи, что правительство признает теперь необходимость свободы для Франции; люди эти стали готовиться к тому, чтобы воспользоваться провозглашенными уступками. Они были подкреплены в своей уверенности новым циркуляром Персиньи, приглашавшим всех замечательных людей всех партий принять участие в общественных делах. Циркуляр этот доказывал только, что [господствующая] система уже чувствует недостаточность опоры, получаемой от ее привер-

женцев, и желает привлечь на свою службу влиятельных людей из других партий. Но значительная часть общества всегда расположена понимать подобные документы не в настоящем их смысле, а в смысле, произвольно влагаемом в них только ее собственными желаниями. В июне должны были происходить выборы в члены департаментских советов. Во времена парламентского правления на департаментские советы обращалось мало внимания. Эти собрания играют довольно значительную роль в местных делах: занимаются раскладкою государственных податей, устанавливают местные сборы для департаментских надобностей, делают соображения и выражают требования по местным делам. Но политическими делами при существовании парламента занимались они мало. Теперь не то. При нынешнем составе законодательного корпуса нельзя ждать от него действительного вмешательства в государственные дела, — он не может не поддерживать правительства во всем. Люди, по несообразности своей полагавшие, что возможна оппозиция при господствующей системе, хотели войти в департаментские советы, чтобы придать им политическую роль. И отчего же не войти? Циркуляр Персиньи обещал свободу выборов. Но правительство увидело опасность, и, несмотря на свои циркуляры, министр внутренних дел нашел надобность заниматься подготовлением требуемого результата выборов энергичнее, чем когда-нибудь. Надобно, впрочем, отдать ему справедливость, что он умел согласить эту нужду с прежними своими обещаниями. Он приглашал людей всех партий заняться общественными делами. Что ж, правительство предлагало свою поддержку каждому человеку, какой бы ни был он партии, если только он обяжется защищать правительство. Значит, правительство в самом деле готово было допустить к общественной деятельности благонамеренных людей из всех партий. Но оно, не щадя усилий, отстраняло людей благонамеренных, то есть не соглашавшихся давать требуемые обязательства. Благодаря этим усилиям мало было выбрано неприятных ему кандидатов. Оно так и должно быть: [господствующая] во Франции система такова, что оппозиция при ней невозможна. [Конец свой найдет она не через оппозицию, которая дает правильную и спокойную развязку всяким столкновениям при парламентской форме, а через способы развязки более первобытной. Господствующая] система эта не может выносить даже противоречия и той ничтожной группы пяти человек, которые успели попасть в нынешний законодательный корпус. Они говорят в законодательном корпусе без всякого фактического влияния на ход дел в нем: что бы ни говорили они, собрание вотирует все проекты, представляемые правительством. Но все-таки речи этих пяти человек очень вредно действуют на господствующую систему, потому что возразить против них она ничего не может: она может только заставлять законодательный корпус вотировать все,

чего требует. А если остается без опровержения взгляд, противоположный нашему, наш взгляд страдает.

Речи пяти противников [господствующей] системы в законодательном корпусе¹ важны тем, что степень их резкости измеряется непрочность [господствующей] системы. [По тону их видно, что сам законодательный корпус предчувствует близость неприятной для него развязки, а противники господствующей системы чувствуют, что скоро будут иметь в своих руках власть над делами]. Мы не будем помещать здесь этих речей, потому что они были переводимы в русских газетах; и мы не хотим утомлять читателя повторением того, что он, конечно, уже знает. Довольно будет привести из корреспонденции «Times'a» отчет об одном из заседаний законодательного корпуса, отчет, очерчивающий, кроме содержания речи, сказанной Жюлем Фавром, и физиономию законодательного корпуса. Мы выбираем для примера заседание 18 июня, когда прение шло о проекте закона, смягчающего нынешнюю зависимость французской журналистики от административного благоусмотрения. Сказав, что внимание французской публики занято ходом выборов в департаментские советы, парижский корреспондент «Times'a» продолжает:

«Но превосходная речь Жюля Фавра о журналистике отвлекает внимание публики от выборов. Тема была достойна такого оратора, и его противники признаются, что несколько подобных речей нанесут тяжелый удар стеснительным законам, под покровительством которых может только процветать политическая продажность. А противники Жюля Фавра знатоки этого дела. Доводы его в пользу свободы журналистики остались без ответа, потому что опровергнуть их было нечем. Когда он говорил, ренегаты, обязанные своим возвышением свободе журналистики и задушившие ее, сидели как на иголках. Он сказал, что представленный правительством проект сам по себе не заслуживает критики, но достойно величайшего внимания положение журналистики, которого он касается. Обязанностью палаты становится рассмотреть, полезно ли это положение и сообразно ли оно с достоинством нации. По декрету 24 ноября прения законодательного корпуса стали печататься в газетах, чего прежде не бывало, — результат этой перемены должен служить уроком: публика жадно читает прения, значит — она интересуется общественными делами. Но если палата хочет быть в связи с нацией, она должна сделать то, чтобы голос нации беспрепятственно доходил до нее. Если же депутаты, думая читать независимое мнение писателя, читают только мнение, предписанное министром, то, очевидно, они вводят в ошибку, которая будет гибельна. А положение вещей во Франции действительно таково; таково влияние правил, только смягчаемых, но сохраняемых проектом закона. Потому проект — не больше как насмешка над палатой. Она должна понимать нужду в совершенном отменении всех правил, стесняющих журналистику, которая одна в силах подвергать администрацию действительно ответственной перед законом [без чего невозможно хорошая и честная администрация]. Для этого нужно поставить газеты в независимость от администрации. Это требование называют слишком поспешным; но непостижимо, каким образом называют слишком поспешным требование отмены декрета, уже 9 лет тяготеющего над Францией. [Этот декрет 17 февраля 1852 года, поставивший журналистику в нынешнее положение, был делом насилия; он принадлежит периоду, когда один человек был господином над судьбою общества и в свою пользу стеснил

газеты, в которых видел врагов себе. Но с той поры.] С 17 февраля 1852 года обстоятельства переменялись: признана надобность установить иной порядок дел, восстановить законность. Сохранение декрета 17 февраля — анахронизм.

Морни, президент законодательного корпуса, прервал оратора замечанием, что слова его противны присяге, данной нынешнему правительству (депутаты должны присягать, что признают нынешнюю конституцию). Император был избран доверием страны, чтобы спасти ее от губительных друзей г. Жюль Фавра. Жюль Фавр сказал, что имеет право сделать объяснение против замечания президента. Некоторые депутаты кричали, что они не хотят слушать его объяснения. Но Жюль Фавр настоял на своем. Он сказал: «Я противопоставлял время диктатуры периоду, когда законы устанавливаются свободною волею нации. Декрет 1852 года установлен не волею нации, а волею одного человека». Члены палаты закричали, что воля этого человека была волею нации. Жюль Фавр сказал: «Я — юрист и растолкую вам вещи, которых вы не понимаете». Граф д'Орнано сказал: «Нам не нужно юристов». Жюль Фавр продолжал: «Законом у нас называется то, что установлено правильно избранными национальными собраниями, рассматривавшими и одобрявшими проект. Постановлений, не имеющих такого происхождения, я не признаю законом». Президент протестовал против такой теории и сказал, что Жюль Фавр знал, какой конституции присягал, становясь депутатом, и потому нынешние слова его противоречат его присяге. Жюль Фавр отвечал, что если так, у него отнимается свобода называть дурные законы дурными. Морни сказал, что не смущается подобными уловками: «Вы можете порицать закон и, кажется, я предоставлял вам полную свободу в этом; но как президент, я не дозволю вам порицать происхождение существующей власти». Жюль Фавр возразил: «Я говорил не о происхождении власти, а о законе, и я имел право сказать, что он дурен, и указать причины, по которым так думаю». После этого он продолжал свою прежнюю речь, доказывая необходимость контроля независимой журналистики над администрацией. Он приводил примеры тому, как при недостатке этого контроля во Франции похищаются у публики деньги биржевыми спекулянтами, действующими под защитою сильных людей, и как нарушается право личной свободы. Он кончил свою речь словами: [цитатой из Монтескье: «Август установил порядок, то есть постоянное рабство, потому что узурпатор, захвативший власть в свободном государстве, называет беспорядком все, чем ограждается свобода граждан». Приведа эту цитату, Жюль Фавр заключил свою превосходную речь словами: «Мы требуем того, что нужно для ограждения свободы, о которой говорил Монтескье] прошу вас припомнить то замечательное заседание, в котором были произнесены слова, которые, вероятно, не забыты вами. Франция начинала итальянскую войну. Я сказал тогда, что придет время, когда я потребую от правительства отчета о принципах, во имя которых начинается оно это дело. Война была успешна. Италия освободилась, и я теперь требую того отчета. Во имя вечного права, я требую, чтобы моей родине были возвращены ее законные права. Свобода прений в законодательном собрании восстановлена. Должна быть возвращена свобода газетам. [Пока не будет она возвращена, я не перестану говорить Франции, что кто хочет предоставлять себе произвол, тот тем самым признается в своей неизлечимой слабости.]»

Мы привели этот отрывок не потому, что любопытно для нас мнение Жюль Фавра, — оно давно известно, и, вероятно, ни один читатель не нуждался в разъяснениях нынешнего французского порядка дел, представляемых знаменитым оратором. Но любопытна неуступчивость, с какою Жюль Фавр твердит и твердит свои мысли палате в противность ее негодованию, восклицаниям ее членов, замечаниям ее президента, — и замечательна уступчи-

вость, с какою палата и президент ее дают Жюлю Фавру одолевать их сопротивление, — замечательно одолевающее их чувство необходимости выслушивать Жюля Фавра, отвечающего на их требования замолчать, что он — не замолчит, потому что право на его стороне. Два года назад, даже год назад, этого еще не было: Жюль Фавр останавливался, когда запрещали ему говорить, он чувствовал, что борьба будет напрасна; теперь не то. Он сознает свою силу, палата перед ним парализована сознанием своего бессилия. [Она чувствует, что колеблется здание, часть которого составляет она.]

Действительно, [оно колеблется до того, что] сами клиенты [господствующей] системы с дерзостью отчаяния напоминают [своим патронам] о необходимости свернуть с прежней дороги, бросить прежние претензии, уличают [их в бесполезности их усилий] скрывать от палаты истину, которая уже известна всем, и подрывает [господствующую] систему. Это особенно выразилось в прениях о бюджете. Уже года два или три законодательный корпус перестал принимать бюджеты с прежним безусловным признанием всех цифр за истину; уже года три он стал толковать о дефиците, о чрезмерности расходов. Но тогдашние замечания были робки и деликатны. Теперь они высказываются другим тоном: люди из большинства, люди, отдавшие себя душою и телом во власть [господствующей] системы, [чтобы она обогащала их], — вот уж и начинают говорить тоном Жюля Фавра. Они теперь уже прямо называют цифры бюджета «фальшивыми», «подложными», говорят министрам: вы обманываете палату и Францию, — и министры так же чувствуют себя бессильными перед ними, как они чувствуют себя бессильными перед Жюлем Фавром. Не противники правительства, — нет, самые близкие клиенты его резко говорили в нынешний раз о необходимости подвергнуть действия [правительства] строгому контролю законодательного корпуса относительно расходования государственных сумм. Они [уличили], что министерство [содержало] под знаменами около 75 тысяч солдат больше, чем может содержать по бюджету, и что деньги на содержание этих лишних солдат были получены [посредством обмана] или взяты незаконным образом.

[Члены палаты говорили этим отчаянно-дерзким языком не из вражды к правительству: они видят, что правительство губит себя и их. Очевидно для всех, что существующая система разрушается; да и с самого начала она держалась лишь тем, что разные партии французского общества не могли согласиться между собою в том, какими учреждениями заменить ее. Теперь все видят, что даже эта нерешительность общества относительно будущего своего устройства не может надолго отворотить перемену, которая до сих пор задерживалась только неизвестностью, какая система одержит верх при уничтожении нынешней.]

Какое двусмысленное положение вещей! Общество разделено на партии, из которых для каждой торжество другой партии было бы вреднее нынешнего порядка, не дающего перевеса ни одной партии; потому каждая партия предпочитает продление этого порядка борьбе не с ним, потому что у него собственной силы никогда не было, а с своими соперницами за власть, которую очень легко было отнять у нынешней системы, но очень трудно удержать в своих руках. Поэтому господствующей системе было бы очень легко. Но не имея пока надобности бояться ни одной из прежних партий, господствующая система почла нужным с самого начала принять такие принципы управления, как будто бы имеет против себя все французское общество; она держалась этих принципов так долго, что уже не может отказаться от них: они срослись с ее натурой. Таким образом, потребность французского общества принимать участие в национальных делах не может быть удовлетворяема при господствующей системе, и от этого система находится ежедневно в опасности исчезнуть, несмотря на то, что ни одна из политических партий вовсе не желает низвергнуть ее, пока еще не уверилась, что приобретет власть в случае ее падения. Много раз мы говорили, что при этом отношении к общественному чувству господствующая система длит свое существование только тем, что приискивает случаи для отклонения мыслей публики от внутренних дел внешними столкновениями. Вот, например, и теперь все внутренние дела забываются для соображений, как императорское правительство развяжет свои разноречащие отношения по римскому вопросу. Газеты уже несколько месяцев наполняются известиями и догадками о переговорах [императорского] правительства с туринским и папским. Итальянское королевство после долгих переговоров, наконец, признано Францией. Что ж из этого? Какую существенную перемену произвел или означает этот факт в отношении Франции к Италии? Никакой перемены. Франция и прежде объявляла, что не одобрит австрийцев, если они начнут войну для восстановления своего перевеса в Италии; точно то же остается и теперь. Прежде Франция объявляла, что не одобрит туринское правительство, если оно начнет войну с австрийцами для завоевания Венеции. Точно то же и теперь. Прежде Франция говорила, что ей самой неприятно занимать Рим своими войсками, что она выведет их при первой возможности, но что для этого надобно оградить какую-то независимость папы. Точно то же и теперь. Что же выигрывает Итальянское королевство от его признания Францией? Ничего не выигрывает, кроме того, что признано Францией. Или само это признание было для чего-нибудь нужно? Быть может, Франция угрожала существованию Итальянского королевства и признание было ручательством, что Франция отказалась от мысли послать свои войска для разрушения Итальянского королевства? Но подоб-

ной мысли французское правительство никогда не имело, и сами итальянцы не имели подобного опасения. Что же важного в том, признано или не признано Итальянское королевство Францией? Но вопрос о признании удивительно занимал собою и французскую и итальянскую публику. Дело об очищении Рима французскими войсками нимало не изменилось от признания Итальянского королевства Францией. Переговоры о Риме давно уже ведутся между Парижем и Турином. Ясно для всех, что французские войска не могут долго оставаться в Риме: желаниями туринского правительства теперь уже нельзя пренебрегать, потому что Итальянское королевство имеет больше населения, чем Пруссия, и, несмотря на всю медленность педантизма, с какою формируется итальянская армия, она теперь простирается уже до 200 тысяч, а скоро будет иметь 300 тысяч солдат. Занимать столицу такого государства становится тяжело. Очищение Рима от французских войск было решено походом Гарибальди на Неаполь. Задача состоит в том, надолго ли удастся оттянуть эту развязку и нельзя ли будет получить за передачу Рима итальянцам какую-нибудь уступку от них — [например, не согласятся ли они отдать Франции остров Сардинию, о необходимости которого Франции и бесполезности для Италии теперь уже заведена речь. Само собою разумеется, что и парижские полуофициальные газеты и туринские министры опровергают этот слух. Но желание приобрести остров Сардинию за очищение Рима выражено Францией. Очень странно будет, если туринское министерство, представляющее собою страну с 20 милл. населения, почтет нужным удовлетворить эту претензию. Переговоры об уступке Сардинии начаты были еще при Кавуре].

Смерть Кавура до сих пор еще не произвела заметной перемены в ходе итальянских дел, да, вероятно, и не произведет ее, кроме разве той разницы, что Рикасоли, занявший место Кавура, не имеет, да, вероятно, и не приобретет такой репутации непогрешительного и незаменимого министра, какою пользовался Кавур. «Кавур нашел это нужным»; или: «Кавур считает это невозможным»; или: «сам Кавур сказал, что надобно понимать дело вот как», — после этого у большинства итальянской, да и всей европейской публики не оставалось уже никаких сомнений, что это действительно так, что дело ведется наилучшим образом. Как велось оно при Кавуре, рассказывает краткий очерк его политической роли, помещенный в этой книжке «Современника», а подробнее разъясняется личность и деятельность Кавура в биографии, начало которой также помещено в этой книжке². Но как бы ни судили мы о деятельности Кавура, большинство думало иначе, а от мнения много зависит. Под предводительством человека, в котором толпа уверена, она действует смелее и ее смелость ободряет самого предводителя. Поэтому были бы распокоены мы думать, что смерть Кавура — значительная потеря для

итальянского дела, если б оно сколько-нибудь двигалось партией, имевшею своим представителем Кавура. Впрочем, уже ни в каком случае не была смерть знаменитого министра выигрышем для итальянского дела: партия, представителем которой был он, так многочисленна, что сохранила управление делами в своих руках, и Рикасоли, преемник Кавура, объявил, как известно читателю, что будет неуклонно следовать программе своего великого предшественника. Посмотрим, скоро ли приобретет Рикасоли такой же авторитет гениальности, какой упрочился за Кавуром; а в самодовольствии он не уступает Кавуру.

Мы не говорим о мелких волнениях, вспыхивающих по временам то в одном, то в другом итальянском городе или округе, особенно в бывших неаполитанских владениях на материке. Публика совершенно справедливо находит, что поводом к этим беспорядкам, которые легко подавляются и не представляют никакой серьезной опасности Итальянскому королевству, служат происки эмиссаров [бывшего короля неаполитанского] и что с отъездом Франциска II из Рима (при будущем удалении французов из Рима) этот повод исчезнет и страна успокоится. Разумеется, так; но почему же эмиссары [прежнего короля] успевают поднимать беспорядки против нового правительства? Новое правительство еще не нашло времени подумать о доставлении простому народу каких-нибудь существенных выгод от нового порядка вещей. Образованное общество, проникнутое потребностью политической свободы и национальной независимости, предано новому порядку вещей; но какие преимущества он имеет над прежним, еще не видно для массы итальянских простолоудинов, которые знают только величину платимых ими налогов.

Австрия чрезвычайно огорчена тем, что император французов признал титул короля Италии за Виктором-Эммануэлем, как будто силы Виктора-Эммануэля зависят от формы, по которой надписывается адрес на депешах, передаваемых его министрам парижскими министрами, или как будто бы какой-нибудь титул может помешать объявлению войны и отнятию областей, если имеешь на то силу. Ведь вся Европа признавала за императором австрийским титул короля ломбардо-венедианского, но это ни мало не помешало Кавуру отнять у него Ломбардию при первой возможности. Значительным утешением австрийскому правительству служит преданность немецкой партии в палате депутатов имперского совета. Депутаты эти чрезвычайно либеральны: с необыкновенным жаром аплодируют Шмерлингу, превозносящему либерализм; и с таким же жаром аплодируют ему, когда он говорит о необходимости спасти австрийское общее отечество от гибельных замыслов славян, мадьяр и итальянцев, составляющих три четверти населения Австрийской империи. Немецкая партия имперского совета убеждена, что либерализм требует подавить венгерское самовольство вооруженной рукой и

не [давать] гибельной воли чехам, желающим признания каких-то прав какой-то своей национальности, которой венские либералы решительно не находят у чехов, а видят у них одни только невежественные мечты о сохранении этой мнимой славянской своей национальности. По мнению венских либералов, совершенно согласных с Шмерлингом, конституционный порядок в Австрийской империи должен быть упрочен военными мерами против венгров, чехов и других врагов либерализма. Впрочем, хороши и чехи: одним из прав своих на свободу они выставляют то, что Виндишгрец покорил в 1848 году мятежную Вену чешскими войсками. Сначала чешские депутаты, называющие себя гуситами и демократами, вступили было в союз с клерикальной и ультрааристократической партией, с графом Клам-Мартиницем и кардиналами Раушером и Шварценбергом, которые не только демократов и гуситов, но и нынешних венских министров считают революционерами, достойными всяких временных и вечных казней за вражду против иезуитского владычества и феодальных прав. Такой союз свидетельствует о степени политического такта у чешских депутатов. Но почему-то он оказался непрочен, и предводитель чешской партии Ригер (впрочем, достойнейший человек с прекраснейшими намерениями), освободившись от своих феодальных и клерикальных союзников, мог в заседании палаты депутатов публично провозгласить, что он действительно гусит и демократ, а не то, что приверженец иезуитов и феодал.

Чехи, впрочем, грешат только бестактностью, следствием недостаточности политического образования. Немецкая партия в палате депутатов имперского совета бестактностью не уступает чехам; устройство, кажущееся ей либеральным, она надеется упрочить помощью военных мер, ведущих к результату прямо противоположному, — но, кроме того, и самая цель ее стремлений несправедлива: она непременно хочет подчинить все народности Австрийской империи немецкому элементу и связать в государство, подобное Франции, империю, разноплеменные части которой могли бы ужиться только под формою федерации. Пока австрийские немцы будут следовать за людьми такого образа мыслей, как Шмерлинг и немецкие депутаты имперского совета [борьба народностей в Австрийской империи будет продолжаться, и земли эти не будут иметь другой судьбы кроме междоусобных войн, сменяемых долгим господством военного деспотизма]. У чехов, напротив того, основное стремление справедливо: они хотят, чтобы земля каждого племени составляла особенное независимое целое, связанное с другими соседними государствами только союзом на равных правах. Но на венском имперском совете чехи находятся в меньшинстве и непреклонное большинство составляют немецкие централизаторы.

В этом надобно искать коренную причину невозможности примирения между Венгрией и западной частью Австрийской

Империи, подчиняющейся венской централизационной системе или по сочувствию централизационным принципам, как немецкие области, или как Чехия по бессилию, происходящему от политической неопытности. Формальной причиной сопротивления венгров венской системе выступают старинные права Венгрии на совершенную независимость от венского правительства. Сами венгры обыкновенно довольствуются указанием на эти свои права; но, разумеется, предание потеряло бы живую силу, если бы действия, им оправдываемые, не были бы внушаемы настоящим положением вещей. Венгры — народ способный к действительному, а не мнимому только конституционному порядку и самоуправлению. Они видят, что западная половина Австрийской империи еще не в силах провести в свою жизнь ни того, ни другого принципа, что она еще остается подчинена принципам совершенно иного направления и что соединиться с этой частью в каких бы то ни было имперских советах или парламентах значило бы для Венгрии подчинить свою судьбу решениям такого большинства депутатов, которое не способно отстаивать чьи бы то ни было права против произвола. Венгры дальновиднее чехов по своей политической опытности и понимают, что перенести решение своих дел в Вену было бы то же самое, что согласиться на добровольное подчинение прежней системе произвольного управления [какому были подчинены они в последние 12 лет насильственным образом]. При своем политическом развитии не могут они согласиться на это. А венская система не захочет отказать от господства над Венгрию без борьбы: из Пешта она может быть вытеснена лишь тем же способом, как из Венеции. Потому [неизбежна военн[ая] развязк[а] венгерского вопроса. Венгры знают это очень хорошо, и дело идет у них лишь о том, как провести время до наступления обстоятельств, при которых война с Австрию имела бы шансы успеха. Одни думают, что надобно в это промежуточное время действовать резко; другие считают преждевременную резкость делом слишком рискованным и стараются избегать столкновений. В этой разнице и состоит главное разноречие между радикальною и умеренною партиями венгерского сейма. Конечно, сами предводители умеренной партии, Деак и Этвеш, могут и вовсе не желать войны; но масса депутатов, следующих за ними, вовсе не разделяют этого мнения: она, подобно радикальной партии, считает войну неизбежной и подает голос за некоторые смягчения в формах действий лишь временным образом, в ожидании благоприятнейших обстоятельств. При их наступлении на стороне Этвеша и Деака останется очень мало голосов; да и теперь большинство сейма принадлежит радикальной партии, которая, впрочем, и сама в иных случаях считает полезным уступать большинству защитникам более мягких форм. Так было, например, при подаче голосов о главном предмете первых прений венгерского сейма, — о том,

в какой форме сейм выразит венскому правительству требования Венгрии: в форме ли адреса императору, как предлагала умеренная партия, или в форме простого «решения», представляемого на принятие императору. Форма адреса была предлагаема с тою целью, чтобы не выражать официальным образом господствующего в Венгрии мнения, что император австрийский пользуется до сих пор только фактической властью над Венгрией, а по закону не признается королем Венгрии, которая не утверждала своим согласием этой власти за ним. Форма «решения» прямо показывала бы, что венгерский сейм не признает законной власти над Венгрией за императором австрийским. Радикальная партия не соглашалась с доводами в пользу адреса и по своему принципу должна была защищать форму «решения». Но после долгих прений открылось новое соображение, заставившее и радикальную партию желать, чтобы принята была форма адреса. Если бы послано было в Вену «решение», венское правительство могло бы долго оставлять его без ответа под тем предлогом, что нужно дать ответ подробный, требующий много времени для обработки. А если будет послан адрес, положение дел должно будет тотчас же разъясниться принятием или непринятием депутации, которая повезет его к императору: если депутация не будет принята, значит — венское правительство само провозглашает невозможность примирения; если депутация будет принята, император должен будет отвечать на ее речь словами, по тону которых будет видно, каков крайний предел уступок со стороны венского правительства. Поэтому радикальная партия на предварительном своем собрании решила, что известное число ее членов должно подать голос за адрес, чтобы доставить ему большинство. Таким образом и доставлено было адресу большинство трех голосов. Не допуская умеренную партию провести через сейм форму адреса, радикальная партия изменила в своем духе проект адреса, составленный Деаком. Из этих изменений наиболее важны два, показывающие, в чем заключается главный предмет разногласия между партиями. В проекте Деака адрес начинался словами: «светлейший император и король!» Радикальная партия потребовала заменить слова «император и король» словом «господин». Это было принято сильным большинством. В проекте Деака была фраза: «мы хотим покрыть завесой страдания прошлого», — это, разумеется, означало, что сейм готов забыть незаконное, по его мнению, управление последних одиннадцати лет. Радикальная партия потребовала выбросить эти слова, потому что Венгрия не намерена забывать страданий, которым подвергалась. Большинство решило вычеркнуть эту фразу.

О том, чего требовать от австрийского правительства, прений никаких не было, потому что в этом обе партии совершенно согласны: умеренные одинаково с радикалами хотят, как известно

читателю, совершенной отдельности Венгрии от остальной Австрии.

По телеграфическим депешам мы знаем, что после долгих колебаний венское правительство решило не принимать адреса, в котором венгры не дают императору австрийскому титула: «император и король». Прежде говорили, что, отвергнув адрес, как документ мятежного содержания, император распустит имперский сейм и немедленно восстановится прежний военный порядок управления Венгриєю. Депеши молчат об этом. Во всяком случае непринятием адреса начинается второй фазис вопроса: коренное несогласие венгерских требований с австрийскою системою признано. Посмотрим, какие меры будут приняты австрийским правительством для усмирения венгров и как рассудят венгры о возможности вооруженного сопротивления при нынешних обстоятельствах, не представляющих для него благоприятных комбинаций.

В Турции умер один султан; на место его провозглашен по законному порядку другой. Газеты рассуждают о том, какую перемену произведет это в турецкой системе. Чтобы мы стали рассуждать об этом, читатель, конечно, и не ожидает.

В Америке начались наступательные действия союзных войск против инсургентов, которые уже принуждены были без сопротивления бросить одну из главных своих позиций, крепость Гарперс-Ферри; этим отступлением очистили они северную часть Виргинии, и театр войны переносится теперь в среднюю полосу этого штата, который, вероятно, весь будет месяца через полтора или два очищен от инсургентов. Значительных сражений еще не было; но уже произошло несколько довольно больших стычек, в которых северные войска одерживали верх, как и следовало ожидать.